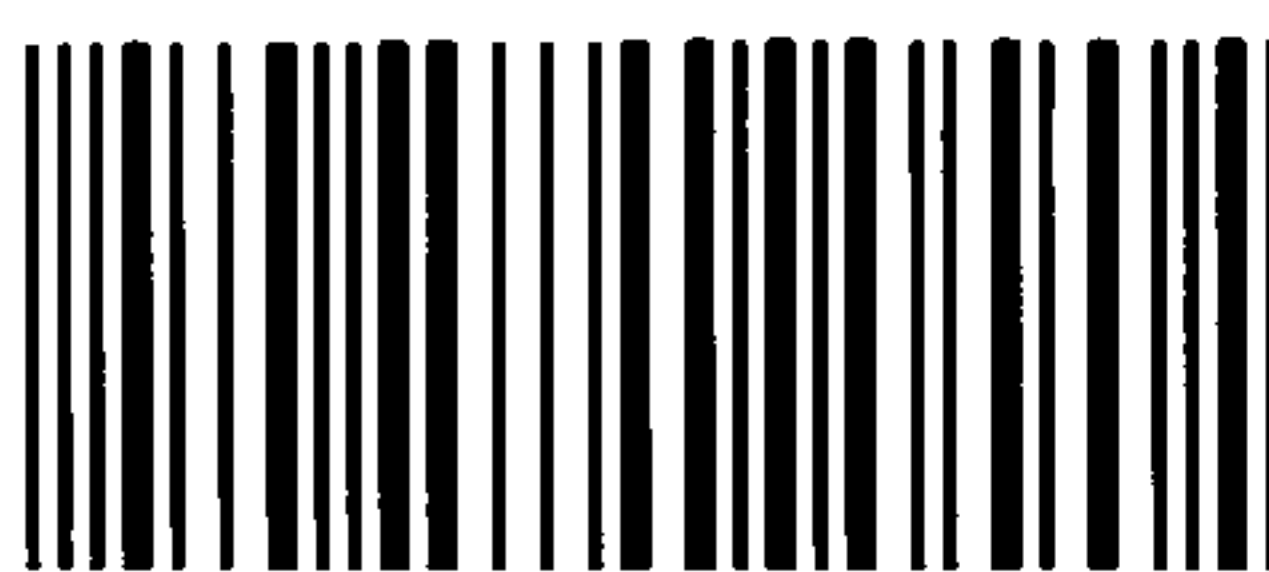

$$W \frac{76}{360}$$

83

10/20/2004

2007055456

ВВЕДЕНИЕ

11
155

ВЪ

ФИЛОСОФИИ.

Сочинение

Профессора Спб. Д. А. Карпова.

18 $\frac{14}{20}$ 40

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи И. Глазунова и К^о.

1840.

11
221

Отъ С. Петербургскаго Комитета Духовной Цен-
суры печатать позволяется, съ тѣмъ, чтобы по от-
печатаніи представлено было въ Ценсурный Коми-
тетъ узаконенное число экземпляровъ сей книги.
С. Петербургъ, 1840 года. Февраля 29 дня.

Цензоръ Соборный Іеромонахъ Іоасафъ.

11
9015330-36

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Кто вникалъ въ существо науки и неукобно слѣдовалъ за ея ходомъ; тотъ знаетъ, что она не долго довольствуется тѣми мыслями, въ которыхъ не давно была развита, и тѣми книгами, въ которыхъ писатели думали запереть ее, какъ въ волшебномъ кругѣ. Она сдѣлала шагъ впередъ, — и предписанные ей предѣлы уже назади, ткань мыслей не полна, книга устарѣла. Такъ жестоко шутитъ наука надъ человѣческимъ мышленіемъ и Гуттенберговымъ искусствомъ! По моему мнѣнію, теорію науки надлежало бы печатать за день до смерти, какъ пожизненный отчетъ потомкамъ въ умственной дѣятельности ихъ предка. Такъ думалъ я болѣе десяти лѣтъ и развивалъ свою идею только

для себя и своихъ слушателей *ex officio*. Но старость не за горами, жизнь коротка и конецъ ея неизвѣстенъ: пора, кажется, позаботиться и объ отчетѣ, и оправдаться даже предъ тѣми людьми, которые судятъ о наукѣ и ученыхъ только по печатнымъ документамъ. Таково побужденіе, располагающее меня къ изданію моей системы. Знаю, что трудъ мой недостаточенъ: но я сдѣлалъ, что могъ; наука есть достояніе вѣковъ, а не частныхъ лицъ; другіе сдѣлаютъ болѣе.

Предлагаемое теперь читателямъ введеніе въ Философію заключаетъ въ себѣ мои мысли вообще о Философіи и объ образѣ систематическаго ея развитія. Внѣшняя цѣль сей книги конечно — не въ свѣтѣ, гдѣ Философія еще не пользуется расположеніемъ, а въ школѣ: однако жъ моей книгѣ хотѣлось бы также доказать и въ слухъ свѣта, что тѣ противорѣчатъ сами себѣ, которые, любя науки (хотя бы-то опытные) и желая имъ успѣховъ, преслѣдуютъ теорію вообще и Философію въ частности.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Нужно ли введеніе въ Философію, и каково должно быть ея содержаніе ? 1 — 10 стр.

1. Потребность введенія въ науки. 1.
2. Необходимость введенія въ систему Философій. 3.
3. Причина, почему введенія въ Философію излагаются отдѣльною книгою. 5.
4. Содержаніе и порядокъ введенія въ Философію. 8.

Предметъ Философіи. 11 — 32.

1. Древняя мудрость обнимала всю область знанія и дала бытіе всѣмъ наукамъ. 11.
2. Обособленіе наукъ. 15.
3. Философія ни о чемъ и обо всемъ. 17.
4. Этимологія слова «Философія» не указываетъ на определенный предметъ изслѣдованій. 18.
5. Два основанія къ опредѣленію предмета Философій. 21.
 - α. Наука самопознанія въ области Философій. 21.
 - β. Потребность связи и согласія между всѣми науками. 24.

6. Истинный предмет Философін *метафизическое*. 26.
7. Выводъ понятія о метафизическомъ
 - α. Изъ понятій о физическомъ и духовномъ. — *Сверхъчувственное*. 28.
 - β. Изъ понятій о субъектѣ и объектѣ. — *Мыслимое*. 31.

Метода Философін. 33 — 44 стр.

1. Метода должна опредѣлять форму науки. 33.
2. Различіе методъ въ частныхъ наукахъ. 34.
3. Идея, какъ условіе методы построенія. 35.
4. Недостаточность методы, построенія и нерриложимость ея къ Философін. 37.
5. Истинная метода Философін есть систематическая. 38.
6. Что такое система? и какое различіе между Философією и философствованіемъ? 40.
7. Умѣстность методы логической въ реальной системѣ Философін. 42.

Начало Философін. 45 — 66 стр.

1. Понятіе о началѣ вообще, и причина, почему начало разумѣется какъ начало. 45.
2. Какъ найти субъективное начало Философін? 47.
3. Какъ найти объективное начало Философін? 56.
4. Сознаніе, какъ субъекто-объективное начало Философін и его свойства, въ семь значеній. 60.

Понятіе и характеръ Философін. 67 — 73 стр.

1. Наше понятіе о Философін. 67.
2. Логическое сходство ея съ понятіями первостепенныхъ миделителей, о Философін. 68.
3. Реальное различіе между понятіями о Философін, и отсюда различные характеры системъ. 69.
4. Синтетизмъ и его преимущества предъ прочими характеристиками Философін. 71.

Цѣль Философін. 74 — 105 стр.

1. Какая цѣль философскихъ изслѣдованій?
 - α. Выведеніе понятія о цѣли вообще. 74.
 - β. Выведеніе понятія о цѣли Философін. 76.
2. Достигается ли цѣль Философін?

- α. Она еще не достигнута. 85.
- β. Но постепенно достигается. 90.
- γ. И однако жъ вполне недостижима. 98.

Польза Философiи. 106 — 120 стр.

1. Причина, по которой изслѣдывается вопросъ о пользѣ Философiи. 106.
2. Философiю почитаютъ наукою *безполезною*, между тѣмъ какъ она существенно полезна въ отношенiю къ Религiи и Политикѣ. 107.
3. Философiю почитаютъ наукою *вредною*, между тѣмъ какъ вредъ происходитъ не отъ Философiи, а отъ вредныхъ людей, когда они занимаются Философiею. 100.
4. Философiя особенно полезна, когда она имѣетъ характеръ національный. 114.
5. Ея влiянiе на всю область наукословiя. 117.

Система философскихъ наукъ. 128 — 135 стр.

1. Основная наука Философiи есть наука самопознанiя. 121.
2. Начала самопознанiя — вѣрiе со стороны опыта, синтетически. 123.
3. Но психологическiй синтезъ годенъ только къ изслѣдованiю нашей природы въ ея бытiи; посему необходима вторая часть науки самопознанiя, то есть, аналитика человеческой дѣятельности. 126.
4. Субъективный анализъ необходимо требуетъ объективнаго синтеза. 128.
 - α. Предѣлы и виды его. 129.
 - β. Трансцендентальная сторона его. 131.
5. Науки Философiи. 133.

*Нужно ли введеніе въ Философію и каково
должно быть его содержаніе?*

При первомъ взглядѣ на всякое введеніе, невольно рождается вопросъ: для чего оно? Не есть ли это роскошь, прихоть въ области наукословія? Въ самомъ дѣлѣ, иногда пишутъ введеніе или вовсе безъ пужды, или по крайней мѣрѣ слишкомъ обширно, несообразно съ требованіемъ предмета. Кто излагаетъ какую нибудь частную теорію на общихъ, всѣми принятыхъ началахъ, и предполагаетъ, что въ значеніи отдѣльныхъ моментовъ ея всѣ согласны; тотъ не имѣетъ надобности въ введеніи, и если бы написалъ его, то написалъ бы безъ цѣли. Равнымъ образомъ, кто, приступая къ изложенію частной теоріи, пускается въ безконечныя изслѣдованія, говоритъ много о томъ, что можно бы высказать кратко

и ясно, и представляетъ введеніе складочнымъ мѣстомъ своей учености, или палестрою своего таланта; тотъ забылъ, что онъ только еще идетъ къ наукѣ и, засмотрѣвшись на себя, вмѣсто введенія пишетъ *quodlibet*.

Но злоупотребленіе—не укоръ употребленію. Есть науки, въ которыхъ введеніе совершенно необходимо. Къ числу ихъ мы относимъ особенно тѣ, на которыя умъ можетъ имѣть различные взгляды, слѣдственно составлять объ нихъ разные понятія. Писатель, намѣревающийся изложить методически одну изъ такихъ отраслей знанія, непременно долженъ предварительно объяснить, какъ онъ разумѣетъ значеніе основныхъ моментовъ ея; иначе читатели, или слушатели его не будутъ имѣть нити, съ помощію которой они могли бы слѣдовать за развитіемъ его системы, правильно понимать ее и вѣрно оцѣнивать ея выводы. Въ тѣ времена всеобщаго рыцарства, когда и практическая и раціональная жизнь отпечатлѣвалась характеромъ полемическимъ, когда и общество и школа любили состязаться о всякой всячинѣ и всякимъ образомъ, принято было за правило — не начинать спора, не опредѣливъ условій вопроса (*status quaestionis*); потому что въ противномъ случаѣ напрасно старались бы разрѣшить его окончательно: — правило умное и приложимое не только къ устнымъ словопреніямъ, но и ко всѣмъ почти печатаемымъ теоріямъ. Теорію науки конечно нельзя почитать поприщемъ для состязанія уче-

ныхъ , а еще менѣе идетъ къ ней необходимая притомъ разговорная форма ; однако жъ надобно замѣтить, что вмѣсто лицъ, она вводитъ въ борьбу по крайней мѣрѣ мнѣнія, понятія, идеи, и диктаторски располагаетъ ихъ паденіемъ , побѣдами, судьбою. Спросите же у писателя , на чемъ онъ основываетъ власть свою одобрять и охуждать, почему онъ принялъ сторону нѣкоторыхъ истинъ и защищаетъ ихъ всѣми силами ума своего, а другія о томъ же предметѣ призналъ враждебными себѣ и преслѣдуетъ ихъ всѣми способами діалектики ; спросите, и вы поставите его въ необходимость отъ даннаго заключенія идти назадъ къ началамъ и наконецъ опредѣлить вамъ , какъ онъ понимаетъ главныя условія своей науки, или основныя задачи ея ; то есть, онъ долженъ будетъ изложить введеніе въ свою теорію. Всякій другой отвѣтъ писателя на вашъ вопросъ былъ бы шатокъ , неудовлетворителенъ и несообразенъ съ систематическою отчетливостію развитаго имъ наукословнаго цѣлаго.

Эти общія замѣчанія о введеніи въ теорію, кажется , уже достаточно объясняютъ причину, по которой мы пишемъ его, и полагаемъ въ основаніе курса философскихъ наукъ. Въ вину намъ могутъ поставить развѣ то, для чего оно у насъ не короче и составляетъ отдѣльную книгу. Но противъ сего обвиненія не трудно выставить такіе защитительные пункты, которые съ одной стороны оправдаютъ насъ, а съ другой послужатъ но-

выми доказательствами важности введенія въ области философскихъ изслѣдованій.

1) Извѣстно, что все, относящееся къ организации Философіи, какъ науки, издревлѣ было предметомъ споровъ и несогласій. Нельзя указать ни на одинъ моментъ ея, съ которымъ философы соединяли бы одинакое значеніе. Условія и нѣкоторыхъ частныхъ отраслей знанія конечно могутъ быть понимаемы различно, но не всѣ и не всегда. Никто на примѣръ не сомнѣвается въ томъ, что предметъ исторіи есть жизнь человѣчества, и историки иногда разногласятъ только во взглядѣ на свою науку и въ методѣ ея изложенія. Но Философія — совсѣмъ другое дѣло: въ ней и взглядъ, и предметъ, и метода, и начала, и цѣли — все раздроблено на мнѣнія, обставлено противорѣчащими понятіями и сдѣлалось добычею преній. Вообразите же, сколько нужно философу предварительныхъ опредѣленій, объясненій, оговорокъ, ограниченій по отношенію ко всѣмъ моментамъ своей системы, чтобы не допустить въ нее элементовъ чуждыхъ, устранить ее отъ вліянія взглядовъ инородныхъ, провести безбѣдно между сциллою и харибдою одностороннихъ умствованій. Онъ долженъ предвидѣть и предупредить всѣ столкновенія истинъ, приготовить точку опоры на случай всѣхъ возможныхъ возраженій, положить основанія для рѣшенія всѣхъ вопросовъ, входящихъ въ область философскаго изслѣдованія. Сообразивъ это, скорѣе можно почитать введенія въ Филосо-

фію вообще краткими и недостаточными, чѣмъ обвинять ихъ въ длиннотѣ и излишествѣ.

2. Впрочемъ отсюда еще не видно, почему бы онѣ должны были составлять особую книгу и выходить въ свѣтъ отдѣльно отъ своей системы. Для сего нужно другое основаніе, — и мы укажемъ его. Въ наше время, болѣе нежели когда нибудь, мыслители разошлись въ понятіяхъ объ основныхъ моментахъ Философіи, — и это можетъ имѣть чрезвычайно вредныя слѣдствія какъ для жизни, такъ и для науки. Жизнь, развивающаяся подъ вліяніемъ безчисленнаго множества частныхъ взглядовъ и правилъ, натурально раздѣляетъ людей сперва какъ будто на философскія касты, изъ которыхъ каждая держится своего образа мыслей и дѣйствій, — потомъ на содружества, въ которыхъ уже теряется единство школы и, вмѣсто началъ ея, полагаются въ основаніе нравственной и умственной дѣятельности привычка, склонность, — наконецъ на лица, непризнающія ничего общаго и дѣйствующія независимо, самостоятельно, по направленію собственныхъ помысловъ, эгоистически. Такъ можетъ объединяться жизнь отъ раздробленія философскихъ взглядовъ! Но раздробленіе ихъ въ жизни по-крайней-мѣрѣ — не исключительная пища эгоизма; а на науку оно дѣйствуетъ исключительно и тѣмъ губительнѣе. Одинъ человекъ и съ умомъ геніальнымъ не въ состояніи развить свою идею въ надлежащей полнотѣ ея. Онъ дастъ новое направленіе Философіи, сообщитъ ей

особенный характеръ, обрадуетъ душу надеждою открытія многихъ тайнъ ея, заставитъ полюбить ее подъ другими условіями развитія, посвятить ей всѣ лучшіе часы жизни, — и только; а объяснить ея начала, разработать ея рудники, вынести на свѣтъ ея богатства — дѣло школы, совокупныхъ усилій и долгаго времени. И такъ можно ли ожидать какихъ нибудь плодовъ отъ нашей науки тамъ, гдѣ она становится достояніемъ не школъ, а лицъ, гдѣ она дробится по числу недѣлимыхъ и у каждаго изъ нихъ имѣетъ свой частный характеръ, гдѣ всѣ начинаютъ и никто не оканчиваетъ, гдѣ умы и самые посредственные хотятъ быть оригинальными, пролагать свои собственные стези къ истинѣ? — Плодомъ такого раздробленія взглядовъ необходимо должны быть мѣлкость, тщедушіе, ослабленіе и упадокъ Философіи. Попробуйтесь въ лѣсу сойти съ большой дороги на тропинку: сперва она будетъ ясно указывать вамъ направленіе, потомъ поведетъ васъ разными излучинами, начнетъ пресѣкаться другими безчисленными тропинками, теряться между кустарниками, тундрами и пригорками, наконецъ станетъ постепенно умаляться, лишаться своего оттѣнка, сливаться съ зеленью, — и вотъ вы одни, безъ надежды достигнуть цѣли, или найти прежній путь, бесѣдуете съ деревьями и дикими животными, подобно древнему Софисту, бесѣдовавшему съ своими понятіями и не знавшему другой истины, кромѣ собственнаго